

СИЛА
МЫСЛИ

ДИАНА
РАВИЧ
ДЖОНАТАН
КОЗОЛ

СИСТЕМА
МАКАРЕНКО
В ДЕЙСТВИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПОЭМА ДЛЯ АМЕРИКИ

Диана Равич
Джонатан Козол
Педагогическая поэма
для Америки. Система
Макаренко в действии
Серия «Сила мысли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74402901
ISBN 978-5-00269-485-3

Аннотация

Диана Равич – одна из известнейших американских педагогов, сторонница идей Макаренко. На протяжении многих лет она боролась против сокращения финансирования государственного образования и приватизации школ в Соединенных Штатах. Всю жизнь она посвятила борьбе за доступное и равное для всех образование.

Джонатан Козол – другой известный сторонник Макаренко из США, выдающийся дефектолог, специалист по работе с трудными подростками и обучению во взрослом возрасте. На протяжении более чем 50 лет он занимался обучением детей и взрослых из самых бедных и обездоленных слоев населения США.

Эта книга – итог многолетнего труда наиболее выдающихся педагогов современной Америки. Впервые она выходит на русском языке.

Содержание

Неравная битва за американскую школу	6
Благодарности	7
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Диана Равич,
Джонатан Козол
Педагогическая
поэма для Америки
Система Макаренко
в действии**

© Равич Д., 2026

© Козол Д., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Неравная битва за американскую школу

Диан Равич

*Я выступаю за стандартизацию автомобилей.
Но я против стандартизации людей.
Стандартизация – это огромная опасность,
нависшая над американской культурой.
Альберт Эйнштейн*

*Каждый может быть великим, потому что
каждый может служить. Для служения не нужно
высшего образования. Для служения не нужно
согласовывать подлежащее со сказуемым. Для
служения не нужно знать Платона и Аристотеля.
Для служения не нужно знать эйнштейновскую
теорию относительности. Для служения не
нужно знать второе начало термодинамики. Для
служения нужно лишь сердце, полное благодати, и
душа, рожденная любовью.
Доктор Мартин Лютер-Кинг младший, проповедь
«Инстинкт первенства», церковь Эбенезер, Атланта,
Джорджия*

*Если бы иностранное государство нанесло
нашей системе народного образования такой урон,
какой нанесли ей образовательные олигархи и их
приспешники из числа лизоблюдов, мы бы сочли это*

Благодарности

Ни один автор не может опубликовать книгу без помощи множества друзей и самоотверженности самых близких и любимых людей. Посвящение отражает мой долг перед моим мужем, Мэри Батц, который жертвовал выходными, вечерами и временем отпуска, поддерживая повседневную жизнь, чтобы я могла сосредоточиться на написании. И я продолжала писать.

Большинство героев Сопротивления, о которых рассказывается в этой книге, поделились со мной своими историями, и я благодарю их. Они продолжают бороться и не останавливаются, пока не добьются создания государственных школ, которых заслуживают все дети. Их ряды будут постоянно пополняться учениками, родителями, педагогами, лидерами в области гражданских прав, бабушками и дедушками и всеми, кому небезразлично наше общее будущее и наша общая судьба.

Я испытываю огромную благодарность к Роберту Шепарду, писателю, редактору и учителю, который вызвался отредактировать книгу, когда она приближалась к завершению. Он знал меня по моему блогу, а я знала его как блестяще-

го комментатора и блогера. Мы с ним интенсивно обменивались электронными письмами на протяжении нескольких недель и стали друзьями, несмотря на то, что никогда не встречались.

Многие другие помогали мне, читая и комментируя части книги до её завершения, среди них Сэмюэл Абрамс, Кэрол Беррис, Мэри Батц, Энтони Коди, Сесе Каннингем и Леони Хаймсон.

Я благодарю Викторию Уилсон, мою подругу и редактора в издательстве Knopf, которая верила в книгу на каждом этапе пути, внимательно прочитала её и предложила множество ценных идей, включая название (которое мне очень нравится). Благодарю также её способного помощника Марка Джаффи и Райана Уиме, который собрал фотографии для книги. Я признательна моим многолетним литературным агентам Линн Чу и Гленну Хартли из агентства Writers Representatives.

Я также хочу отметить мощное вдохновение, которое я получила от учителей, возглавивших движение #RedforEd. Их пример мужества убедил меня в том, что ситуация меняется в противовес идеологии Разрушения (Disruption), описанной в этой книге, и что истинный дух образования, возможно, еще удастся восстановить и воссоздать на благо всех детей в наших школах и ради будущего нашего общества. Я хотела бы выразить особую благодарность Кубино-американскому фонду образования и гуманитарных инициа-

тив, Международной образовательной инициативе (Гавана) и педагогическому факультету Гаванского университета. Без их финансовой поддержки публикация этой книги была бы невозможна.

Глава первая

Разрушение – это не реформирование!

Я начала писать эту книгу весной 2018 года в необычный для нашей страны момент. В штате за штатом десятки тысяч учителей выходили из школ и маршировали к зданиям законодательных собраний, протестуя против низкой зарплаты, плохих условий труда и хронического недофинансирования государственного образования. Забастовки и акции протеста продолжались и в 2019 году, распространяясь из одного округа в другой, из одного штата в следующий. Учителя выходили на улицы не только ради себя, но и ради своих учеников, которые учились в переполненных классах, пользовались устаревшими учебниками и находились в давно не ремонтировавшихся зданиях. В штатах, где доминируют республиканцы и где начались эти выступления, расходы на образование были резко сокращены за предыдущее десятилетие. Столкнувшись с тысячами разгневанных учителей и закрытыми школами, законодатели пошли на уступки, чтобы успокоить бастующих, даже в тех штатах, где профсоюзы были слабы, а забастовки запрещены.

Большинство комментаторов были шокированы такой воинственностью учителей. Они не предполагали, что учителя

ля способны подняться спонтанно, но те поднялись. По всей стране учителя были деморализованы застойной зарплатой, сокращением бюджетов, растущими расходами на здравоохранение, переполненными классами, карательными системами оценки их труда, нападками на гарантии занятости и пенсии, а также государственным финансированием школ, управляемых частными структурами, что уменьшало финансирование государственных школ. Многие учителя решили, что больше не могут оставаться в выбранной профессии, потому что жесткий режим образовательных стандартов и тестирования, навязанный федеральным законом, отнимал недели, а иногда и месяцы учебного времени, искажал цели образования и лишал их возможности работать автономно, с увлечением и творчески.

Постоянные оскорбления и законодательные атаки на учительскую профессию и государственные школы привели к тому, что многие опытные педагоги покинули классы задолго до положенного срока выхода на пенсию, что вызвало нехватку учителей и резкое снижение числа поступающих в педагогические вузы. В то время как лжереформаторы представляли учителей злодеями, число желающих войти в профессию стремительно падало. Разве может страна дать образование своим детям без высококвалифицированных опытных учителей?

Учительские забастовки стали гвоздем в крышку гроба того, что как минимум два десятилетия ложно называлось

образовательной реформой. Смелым актом массового выхода на улицы и маршей к зданиям капиталиев – даже там, где это запрещалось законом, – учителя просвещали общественность о злобности, невежестве и близорукости, скрывающихся за фасадом образовательной реформы. Учителя подрабатывали на второй и третьей работах, чтобы сводить концы с концами. Некоторые получали так мало, что имели право на продовольственные талоны от государства. Даже при низких зарплатах учителя каждый год тратили или собирали сотни долларов на покупку необходимых школьных принадлежностей для своих учеников. Эти условия, наглядно показанные в газетах, журналах и на сайтах, объяснили общественности причины повсеместной нехватки учителей и резкого недофинансирования государственных школ.

Диан Равич

Вот что наделало так называемое реформаторское движение, демонизируя учителей так, словно они были врагами собственных учеников, и относясь к ним как к симулянтам, требующим постоянной проверки, чтобы они случайно не

уклонились от своих обязанностей. Вот какой урон нанесли государственным школам, их ученикам и учителям беспечные миллиардеры, решившие разрушить, переизобрести и перекроить систему народного образования страны. Вот дело рук богатейших людей Америки: семьи Уолтонов, Билла Гейтса, Бетси Девос, братьев Кох, Майкла Блумберга, Лорин Пауэлл Джобс, Рида Хастингса, Эли Броуда и целой вереницы других миллиардеров, большинство из которых сколотили свои состояния на Уолл-стрит, в Кремниевой долине или в сфере высоких технологий.

Почти два десятилетия реформаторы обещали коренным образом преобразить американское образование, опираясь на свою стратегию тестирования с высокими ставками, оценки учителей по результатам тестов, чартерные школы и закрытие школ с низкими показателями. Они самоуверенно заявляли, что знают ответы на все наболевшие проблемы образования. Они утверждали, что возглавляют движение за гражданские права нашего времени, финансируемое миллиардерами, воротилами Уолл-стрит и федеральным правительством – как будто элиты могут возглавить движение за гражданские права, направленное против сильных мира сего (то есть против самих себя!). Они настаивали, что стоит внедрить их рецепты, как результаты американских тестов взлетят до вершин международных рейтингов. Больше не будет бедных детей, «запертых в неуспешных школах». Больше успех ребенка не будет определяться его почтовым ин-

дексом или социальным положением. Все они пели по одному молитвеннику о провалах государственного образования и с полной уверенностью заявляли, что знают, как превратить неудачу в высокие баллы тестов для всех.

Но, несмотря на инвестиции миллиардов федеральных, региональных, местных и благотворительных долларов, эти зловерные усилия не привели ни к чему. Лидеры этого фарса самоуверенно предсказывали, что успех уже не за горами. Но, как это часто бывает с миражами, горизонт все время отодвигался. Ни одно из их обещаний и заявлений не сбылось. Согласно их собственным избранным критериям – результатам стандартизированных тестов – лжереформаторы потерпели неудачу.

В этой книге я не буду называть эту деятельность и ее лидеров почетным словом «реформа», которое они нагло присвоили. Отдельные лица и группы, продвигающие подотчетность на основе тестов, закрытие школ и выбор школ в качестве средств решения проблемы низких баллов, не являются реформаторами. Как же их называть? Другие называют их деформаторами, или финансовой приватизационной кабалой, или движением за уничтожение государственного образования, или приватирами. Такие группы и отдельные лица часто говорят, что их цель – разрушить государственное образование, и, думаю, в этом случае они точно назвали себя сами. Они – Разрушители. Они мастера хаоса, который они обрушивают на чужих детей, не испытывая ни

малейших угрызений совести. Они, конечно же, не реформаторы – этот титул они присвоили себе обманным путем. Старое и истинное значение слова «реформа» имеет положительные коннотации; большинство людей слышит его и думает об улучшении, прогрессе, подъеме. Это не описывает нынешнее движение разрушителей, которое на самом деле представляет собой целенаправленную, пагубную и щедро финансируемую кампанию по приватизации американских государственных школ, разгрому учительских профсоюзов, разрыву общественных связей и уничтожению профессионального статуса учителя. Риторика этой кампании настолько единообразна от места к месту, что я предполагаю: она была сострепана специалистами по маркетингу и брендингу, чтобы вводить общественность в заблуждение. Я не позволяю, чтобы термин «реформа» был похищен теми, у кого есть скрытые мотивы.

Разрушители – сторонники приватизации. Они не доверяют государственному сектору. Им не нравится местный контроль. Они любят закрывать государственные школы. Они принижают учителей. Они используют свои огромные ресурсы, чтобы передать государственные активы в частный сектор и очернить тех, кто учит наших детей, несмотря на низкую зарплату и плохие условия труда.

Разрушители утверждают, что школы должны управляться как бизнес. Они считают, что ученики, учителя, директора и школы нуждаются во внешней мотивации с помо-

щью кнута и пряника, премий и штрафов, привязанных к результатам стандартизированных тестов. Они верят, что, поскольку бизнес преуспевает благодаря частной собственности, отчетам о прибылях и убытках и управлению на основе данных, школы должны поступать так же. Они считают, что стандартизированное тестирование – это важнейший инструмент для принятия объективных решений о том, какие учителя эффективны или неэффективны, а какие школы заслуживают поощрения или закрытия.

Разрушители рассматривают образование как предпринимательскую деятельность, которая должна быть «масштабируемой» и приносить «возврат на инвестиции». Они поощряют выход новых предприятий на образовательный рынок. Школы, которые когда-то рассматривались исключительно как институты обучения и воспитания, корпорации и предприниматели переосмыслили как места коммерции и извлечения прибыли. На продаже тестов, оборудования, программного обеспечения, повышения квалификации, новых учебных программ, новых способов анализа и использования данных, консультационных услуг для всего вышеперечисленного можно зарабатывать деньги. Деньги можно зарабатывать, открывая сети чартерных школ, покупая недвижимость под одним названием и сдавая ее в аренду новой чартерной школе под другим названием, учреждая связанные корпорации для поставки товаров и услуг в собственные чартерные школы, используя кредитную карту чартерной шко-

лы для полетов первым классом, посещения дорогих ресторанов, покупки роскошных автомобилей и одежды. Регулярно проводятся конференции, на которых обсуждается, как инвесторы в акционерный капитал могут извлечь прибыль в образовательной индустрии. Многие люди поняли, как делать деньги из государственных средств, выделяемых на образование, но эти люди не учителя. Учителя проводят свои уроки несколько раз в день, выполняя свою работу за среднюю зарплату в 60000 долларов – значительно ниже того, что получают их коллеги с такой же квалификацией в других профессиях в тех же штатах. Они определенно в сфере образования не ради денег.

Государственные школы принадлежат общественности, и они должны получать надлежащую поддержку от общества, потому что это наши инвестиции в будущее нашей демократии. Они должны обеспечивать надлежащее, хорошо финансируемое образование для всех детей, которые в них приходят. Каждый ребенок имеет право получать образование за государственный счет в государственных школах.

Корпоративное Разрушение потерпело неудачу. Оно снизило статус учительской профессии. Оно создало общенациональную нехватку учителей. Оно препятствовало творческому и вдумчивому преподаванию. Оно подорвало передачу знаний и навыков в области истории, науки, литературы, иностранных языков и искусства. Оно сократило время на физкультуру, отдых и игры, отдавая его тестированию и под-

готовке к тестам. Оно деморализовало и учеников, и учителей. Оно уничтожило дух учения. Оно не смогло дать те чудесные результаты и преимущества, которые обещало.

Но, возможно, худший из грехов Разрушителей в том, что они сменили тему, отвлекли внимание от коренных причин и подсунули ложные решения. Гнойные язвы нашего общества глубоко укоренены в бедности и неравенстве в сочетании с расовой сегрегацией. Около 19 процентов детей в нашей стране живут в бедности, и еще 22 процента находятся «на грани бедности» по данным Национального центра по проблемам детской бедности. Эта доля выше, чем в любом другом современном индустриальном обществе. Разрушители избегают разговоров о бедности, неравенстве и расовой сегрегации. Если бы они заговорили об этом, им пришлось бы повысить налоги на самых богатых, чтобы оплатить издержки по исцелению нашего общественного устройства. Разрушители убедили американский политический истеблишмент в том, что тестирование с высокими ставками и выбор школ приведут к справедливому и хорошему обществу, которое мы все, теоретически, надеемся увидеть. Разрушители отвлекли наше внимание, пытаясь убедить нас, что чартерные школы и ваучеры – это путь к равенству и справедливости. Это не так. Даже если они дают более высокие результаты тестов (а обычно не дают), чартерные школы и ваучеры – это ложная замена политикам, которые действительно усиливают равенство и обеспечивают достойный уровень жизни для

всех американцев.

Могут ли школы сами по себе изменить общественный порядок? Наивно ожидать, что они решат структурные проблемы, требующие устойчивых и масштабных государственных действий. Движение приватизации отвлекает общественность от проблем, требующих согласованных усилий всех нас для их решения. Оно пытается превратить нас из граждан в потребителей, заинтересованных только в собственном благополучии, а не в общем благе.

Цель государственных школ – побуждать учеников мыслить и действовать как граждане демократического общества, готовые внести свой вклад в то, чтобы сделать его лучше для всех. Государственные школы принадлежат общественности, а не предпринимателям и не корпоративным сетям. Они принадлежат всем нам. Мы не смеем их потерять.

Обыкновенные герои среди нас выступили против корпоративных Разрушителей. Снова и снова Сопротивление одерживало победу. Они высказывались, они поднимались, они организовывались, они голосовали. В этой книге я расскажу об их достижениях.

Глава вторая

Одиозный статус-кво

Сегодня никто не удовлетворен статусом-кво. Корпоративные Разрушители хотят взорвать государственные школы и начать все с нуля. Билл Гейтс говорит, что они устарели; Лорин Пауэлл Джобс, Марк Цукерберг и Чарльз Кох хотят их переизобрести, как и другие миллиардеры, несмотря на отсутствие у них опыта в сфере образования. Еще в середине XIX века Ралф Уолдо Эмерсон заметил, что у каждого реформатора в жилетном кармане лежит план по переустройству общества. К счастью, никто из реформаторов времен Эмерсона не был настолько богат и могуществен, чтобы навязывать свои непроверенные идеи нежелающим людям; им приходилось проходить через демократический процесс, чтобы убедить людей принять их реформы. Сегодня кажется, что у каждого миллиардера в жилетном кармане есть план по переизобретению или переосмыслению государственных школ.

В своей книге «Победители получают всё: элитарный фарс о спасении мира» Ананд Гиридхарадас предупреждал, что миллиардеры используют свою филантропию, чтобы контролировать других под видом помощи. Их «дары» выглядят благонамеренными, но являются троянскими конями, призванными защитить статус-кво. Так обстоит дело и

с Разрушителями. Их попытки захватить государственные школы, которые принадлежат общественности, подрывают демократию. Миллиардерам не нравятся государственные школы; им не нравятся профсоюзы; им не нравятся избираемые школьные советы. Им не нравится низовая демократия, поэтому они тратят миллионы долларов, чтобы получить контроль над школьными советами на уровне штатов и на местном уровне.

Люди, которые пытаются защитить государственные школы от Разрушителей, тоже недовольны статусом-кво. Они устали от времени и денег, которые тратятся на стандартизированное тестирование; устали от ежегодных рейтингов учеников, учителей и школ, основанных на результатах стандартизированных тестов; и устали от бесконечных нападок на учителей и государственные школы. Они устали видеть, как их государственные школы теряют хороших учеников и ценные ресурсы из-за чартерных школ, которые конкурируют с местными государственными школами. Они устали видеть, как их государственные школы заменяются корпоративными сетями. Они устали от рекламных презентаций новейших технологических модных веяний; они устали видеть, как их детей, еще слишком маленьких, чтобы читать, сажают перед экранами компьютеров; и они устали от того, что данные об их детях извлекаются мегакорпорациями для продажи другим мегакорпорациям.

Никому не нравится статус-кво. Разрушители заявляют,

что выступают против статуса-кво, но сами они и есть статус-кво. В конце концов, именно они контролируют рычаги власти в федеральном правительстве и правительствах штатов. Они пишут законы и предписания. Они контролируют политику. Они определяют статус-кво. Он принадлежит им.

Цель государственного образования с самого его возникновения была тройственной: во-первых, обучить основам знаний – чтению, письму и математике; во-вторых, обучить основам гражданственности в демократическом обществе, подготовить молодое поколение к голосованию, работе в жюри присяжных и участию в жизни своих сообществ; и в-третьих, дать им возможность делать мудрый выбор после окончания школы, чтобы они могли заботиться о себе и своих семьях и улучшать наше общество. Наиболее важным в достижении этих целей является воспитание характера, то есть развитие таких качеств, как честность, порядочность, вежливость, трудолюбие, ответственность и этичность. Характер важнее, чем результаты тестов.

На протяжении многих поколений американцы гордились своими государственными школами. Они знали, что те не идеальны, но гордились тем, что каждый ребенок имеет право учиться в бесплатной государственной школе. Они верили в этот идеал задолго до того, как он был реализован. Споры никогда не обходили стороной школьные двери. Школы во многом были отражением американского общества. Общество было расистским, и школы были расово сегрегирова-

ны. Потребовалось историческое решение Верховного суда США в 1954 году, чтобы объявить, что штаты не могут использовать силу закона для разделения учащихся по расовому признаку. Безусловно, отмена де-юре (юридически признанной и обеспеченной законом) сегрегации не положила конец сегрегации де-факто: проблемы расизма, расовой изоляции и сегрегации сохраняются в школах и в обществе в целом по сей день. По закону на школы возложена обязанность обучать детей, для которых английский язык не является родным, и аналогичным образом они обязаны обучать учащихся с ограниченными возможностями. Когда Разрушители с ностальгией говорят о «добрых старых временах», они вспоминают школы, которые не были расово интегрированы и в которых не учились не говорящие по-английски дети или дети с ограниченными возможностями.

Никогда в прошлом государственные школы не были повсеместно отличными. Это фантазия. Всегда были великие учителя, хорошие учителя и плохие учителя. Всегда были отличные ученики, средние ученики и проблемные ученики, которые приходили в школу неохотно. Полезными противоядиями от фантазийного мышления служат фильм «Школьные джунгли» (1955) и роман Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (1964); в обоих изображаются дисфункциональные городские государственные школы той эпохи. Это было далеко от идиллии. Были хорошо обеспеченные ресурсами школы в богатых сообществах и школы со

скудными ресурсами в бедных сообществах. Мы не можем сказать, знали ли ученики в те дни больше или меньше, чем ученики сегодня. У нас нет общего критерия для сравнения. Исходя из моих знаний как историка образования, из моего опыта ученицы средней школы в 1950-х годах, а также из моего опыта члена правления федерального агентства по тестированию – Национальной оценки образовательного прогресса, я считаю, что сегодняшние ученики, безусловно, знают гораздо больше математики и естественных наук, чем ученики 1940-х и 1950-х годов. С сегодняшние ученики реже читают великую литературу, чем их бабушки и дедушки, потому что от учителей английского языка в 1930-х, 1940-х и 1950-х годах ожидали, что они будут преподавать классическую литературу, и их не заставляли полагаться на обезличенные учебники, содержащие фрагменты литературы, чтобы подготовить учеников к стандартизированным тестам.

Такова фантазия о временах, когда образование якобы находилось на пике своего развития.

Перенесемся в начало 1980-х годов.

Рональд Рейган был избран президентом в 1980 году. Он назначил министром образования Террела Белла, профессионального педагога из Юты. Белл ранее занимал должность комиссара США по образованию при президентах Ричарде Никсоне и Джеральде Форде. У Рейгана было три цели в области образования: он хотел упразднить Министерство образования США (созданное его предшественником прези-

дентом Джимми Картером), вернуть школьную молитву (когда-то распространенную в государственных школах, но запрещенную Верховным судом в 1962 году) и ввести школьные ваучеры, чтобы позволить учащимся посещать религиозные и частные школы за государственный счет. Рейгана консультировал его друг Милтон Фридман, экономист-либертарианец, который не верил в государственные школы и выступал за ваучеры. Комиссар Белл не разделял страсти президента Рейгана к ваучерам и школьной молитве, равно как и его пренебрежения к государственным школам.

В 1981 году, надеясь спасти новое Министерство образования США, министр Белл учредил Национальную комиссию по качеству образования. В 1983 году комиссия опубликовала доклад под названием «Нация в опасности: необходимость образовательной реформы». Как и надеялся Белл, доклад не рекомендовал ни школьную молитву, ни ваучеры. Однако его центральная тема – возложение вины за экономические трудности страны на государственные школы – была не менее разрушительной для государственного образования. В напыщенной риторике доклада утверждалось, что государственные школы не справляются со своей задачей и погрязли в «нарастающей волне посредственности».

В нем предупреждалось: «Если бы недружественная иностранная держава попыталась навязать Америке тот посредственный уровень образования, который существует сегодня, мы вполне могли бы расценить это как акт войны. Но,

как оказалось, мы сами допустили, чтобы это с нами произошло... По сути, мы совершили акт бездумного, одностороннего образовательного разоружения».

Доклад вызвал национальную тревогу. Он возлагал вину за экономические проблемы страны, включая потерю американскими отраслями позиций в конкуренции с Японией, Германией и Южной Кореей, на государственные школы. В докладе упоминались стандарты лишь как общий принцип, игнорировались ваучеры и выбор школы и лишь кратко говорилось о стандартизированном тестировании (рекомендовалось проводить такие тесты «в ключевых переходных точках с одного уровня образования на другой и особенно при переходе из средней школы в колледж или на работу»). В нем не рекомендовалось тестировать каждого ученика ежегодно – это стало федеральным мандатом позже.

В 2018 году, к 35-летию доклада «Нация в опасности», журналистка NPR Аня Каменец взяла интервью у выживших членов комиссии. Они откровенно признали, что выводы доклада были предопределены, а цитируемые данные были «выборочными», чтобы представить американские государственные школы в максимально негативном свете. Именно этого хотела администрация Рейгана. Государственные школы не были причиной рецессии начала 1980-х. Пока Детройт продолжал выпускать автомобили с высоким расходом топлива, японцы производили экономичные машины, которые пользовались спросом у населения в период роста цен на топливо. Экономика находилась в застое, и было легко обвинить школы в выводе промышленности в другие страны, хотя это было бессмысленно. Когда экономика улучшилась, никто не поблагодарил школы и не извинился за клевету на них.

Доклад превратил образование в национальный политический футбольный мяч: губернаторы и даже президенты почувствовали себя обязанными взять на себя ответственность и найти решения проблем, которых они не понимали. Губернаторы южных штатов призывали к введению единых тестов, чтобы оценить положение своих штатов по сравнению с другими. Президент Джордж Буш-старший созвал в 1989 году саммит губернаторов, на котором были постав-

лены шесть амбициозных «национальных целей» к 2000 году (губернатор Арканзаса Билл Клинтон лично участвовал в разработке национальных целей).

Противоречащие голоса игнорировались. Министерство энергетики США заказало в 1990 году исследование текущего состояния американского образования в Сандийских национальных лабораториях, которое критиковало алармизм доклада «Нация в опасности». Инженеры Сандийских лабораторий изучили результаты тестов, показатели окончания школы и другие индикаторы. Они пришли к выводу, что успеваемость остается стабильной или улучшается, и что самая большая проблема, стоящая перед страной, — это повышение качества образования для бедной и цветной молодежи в городских округах.

В то время я занимала должность помощника министра образования по исследованиям и усовершенствованиям, и в 1992 году присутствовала на брифинге Министерства энергетики, посвященном докладу Сандийских лабораторий. Я поехала на эту встречу вместе с Дэвидом Кернсом, бывшим генеральным директором Хегох, который тогда был заместителем министра образования. Он был возмущен докладом, поскольку тот противоречил позиции Министерства образования США о том, что американские государственные школы не справляются со своей задачей и нуждаются в радикальных изменениях. Министерство энергетики так и не опубликовало доклад, но он немедленно попал к сотням влиятель-

ных исследователей, которые писали о его выводах. Оглядываясь назад, можно сказать, что Сандийский доклад был верен. Покойный Джеральд Брейси, плодовитый и прямолинейный исследователь в области образования, также резко критиковал господствующее мнение, которое я тогда защищала. Настоящим я приношу ему личные извинения. Он был прав. Кризис в образовании был политически мотивированным обманом, или, как позже называли его выдающиеся исследователи Дэвид Берлинер и Брюс Биддл, «сфабрикованным кризисом».

Тем не менее, это был обман, который пришелся по вкусу политикам, потому что дал им беззащитного козла отпущения и позволил оттеснить педагогов с руководящих позиций. Обе политические партии поддержали нарратив о кризисе и заявили, что у них есть решения, которые неизменно включали стандарты, тестирование и подотчетность. И республиканцы, и демократы согласились, что пришло время стать жестче по отношению к детям. Пришло время стать жестче по отношению к учителям. Пришло время привлечь их к ответственности за достижение высоких стандартов или столкнуться с суровыми последствиями.

Поскольку федеральное правительство в силу закона и традиции осуществляло очень слабый контроль над образованием, было неясно, как все это могло бы произойти. Но шаг за шагом те, кто находился наверху, добивались рычагов влияния.

В 1991 году администрация Джорджа Буша-старшего запустила программу под названием «Америка-2000», которая призывала к добровольному соблюдению амбициозных национальных целей, согласованных на саммите губернаторов в Шарлоттсвилле в 1989 году. Некоторые из целей были откровенно недостижимы (например, «к 2000 году американские учащиеся будут первыми в мире по естественным наукам и математике»). Но другие имели смысл («к 2000 году все дети, начинающие ходить в школу, будут готовы к обучению»), что способствовало развитию программ материнского здоровья, детского питания и здоровья, а также раннего детского образования, хотя для реализации таких необходимых программ не хватало финансирования.

Администрация Клинтона, избранная в 1992 году, согласилась с режимом стандартов, тестирования и подотчетности, введенным Джорджем Бушем-старшим, и представила свою собственную программу «Цели-2000». Она была принята в качестве закона, и, учитывая, что федеральный закон запрещает любому федеральному ведомству пытаться направлять или контролировать учебный план или преподавание в какой-либо школе, эта программа предлагала каждому штату деньги на разработку собственных стандартов и выбор собственных тестов. Как и следовало ожидать, качество и строгость стандартов и тестов в разных штатах различались.

Шаблон для Разрушения был создан губернатором Фло-

риды Джебом Бушем. После своего избрания в 1998 году он выдвинул свой план А+, который сочетал выбор, конкуренцию, тестирование с высокими ставками, присвоение школам буквенных оценок (А – F) и подотчетность в качестве формулы «превосходства» в образовании. Губернатор Буш противопоставил выбор и тестирование справедливому и адекватному финансированию. Спустя два десятилетия после запуска плана А+ его щедро финансируемый пропагандистский аппарат трубил о «флоридском чуде», но единственным чудом было то, что кто-то вообще в это поверил. Школы Флориды по-прежнему имели плохо обслуживаемые и переполненные здания, высокую текучесть учителей, низкие зарплаты учителей и множество незаполненных вакансий. Государственные школы штата теряют миллиарды долларов ежегодно из-за чартерных школ, управляемых частными структурами, и ваучеров для религиозных школ. Штат оставляет на второй год учеников третьего класса с низкими результатами тестов, что, как и следовало ожидать, искусственно завышает показатели четвертого класса в общенациональных тестах; но ученики восьмого класса в штате показывают результаты не выше среднего в Национальной оценке образовательного прогресса. Никакого чуда, только шумиха и пропаганда, но другие штаты с губернаторами-республиканцами с готовностью приняли догмы «флоридской модели».

Когда Джордж Буш-младший с небольшим перевесом был

избран в 2000 году как самопровозглашенный «сострада-
тельный консерватор», его главным приоритетом стал пере-
смотр федерального закона об образовании. Он предложил
двадцатисемистраничный документ под названием «Ни од-
ного отстающего ребенка», краеугольным камнем которого
была идея, что каждый ученик с 3 по 8 класс должен еже-
годно сдавать тесты по чтению и математике. Их результаты,
утверждал он, покажут, добиваются ли они прогресса и хо-
рошо ли работают их школы. Буш настаивал, что эта простая
формула создала чудо в Техасе. В ходе предвыборной кам-
пании он заявлял, что ежегодное тестирование привело к по-
вышению результатов тестов, увеличению числа выпускни-
ков и сокращению разрыва между белыми и цветными уче-
никами. Во время кампании несколько ученых заявили, что
никакого техасского чуда не было, но никто их не слушал.
Осенью 2001 года Конгресс принял предложение Буша «Ни
одного отстающего ребенка» (NCLB), которое превратилось
в закон объемом в тысячу страниц; он был принят большим
большинством в обеих палатах Конгресса и был совместно
внесен ведущими демократами, включая сенатора Теда Кен-
неди от Массачусетса и конгрессмена Джорджа Миллера от
Калифорнии. Президент Буш подписал закон 8 января 2002
года. Закон должен был быть переутвержден в 2007 году, но
Конгресс не смог договориться о том, что именно изменить.
Он оставался в силе до декабря 2015 года, намного превы-
сив срок своего действия, несмотря на то, что ни одно из его

обещаний и целей не было выполнено.

Программа «Ни одного отстающего ребенка» позволяла штатам самим выбирать свои стандарты. Он требовал, чтобы каждый штат устанавливал уровни достижений в своих тестах: базовый, достаточный и продвинутый. Он предписывал, что к 2014 году, через дюжину лет после вступления закона в силу, 100 процентов учащихся должны достичь достаточного уровня. Это была явно абсурдная цель, но ее спонсорам было все равно. В то время я присутствовала на мероприятии в Вашингтоне, округ Колумбия, в отеле Уиллард, организованном консервативным Институтом Гувера, где мой бывший начальник в администрации Джорджа Буша-старшего, сенатор Ламар Александер от Теннесси, участвовал в дискуссии о новом законе. Я встала из зала и спросила, действительно ли он ожидает, что «каждый ученик» достигнет достаточного уровня к 2014 году. Он ответил: «Нет, Дайан, мы не ожидаем этого, но хорошо иметь цели». Он и не подозревал, что многие школы будут закрыты, а многие учителя и директора уволены, потому что не смогли достичь того, что было заведомо невозможно.

Закон требовал от штатов демонстрировать «адекватный годовой прогресс» на пути к достижению этой недостижимой цели – 100-процентной достаточности. Штаты были обязаны дезагрегировать результаты тестов по расе, этнической принадлежности, полу, статусу инвалидности, статусу бедности и так далее и сообщать их общественности. Пред-

полагалось, что дезагрегация усилит давление на педагогов, чтобы они добивались хороших результатов для слабоуспевающих групп.

Теория действий, лежащая в основе NCLB, заключалась в том, что школы и округа, не достигшие ожидаемых результатов, должны быть наказаны. Страх перед наказанием, страх неудачи и страх потерять работу и карьеру должны были заставить персонал стараться больше, а школы – становиться лучше.

Закон включал то, что называлось «каскадными мерами воздействия». В первый год, когда школа не достигала своих целей, ее ученикам предлагалась возможность перевестись в другую государственную школу. Если школа продолжала не достигать цели неуклонного повышения результатов тестов, ученики получали право на репетиторство. Если школа по-прежнему не добивалась успеха, она подлежала «корректирующим действиям», которые включали новые учебные программы, более длительный учебный день или учебный год, замену персонала или руководства, а также другие меры, призванные встряхнуть школу. После пятого года невыполнения целей на школу обрушивался федеральный топор. Она могла быть закрыта и вновь открыта как чартерная школа. Ее персонал мог быть уволен и заменен. Штат мог нанять «образовательную управляющую организацию», чтобы взять на себя руководство школой. Штат сам мог взять школу под свой контроль.

Ни одна из этих мер ранее не имела подтвержденных доказательств успеха.

Если бы законодатели и политики придерживались графика NCLB – 100-процентной достаточности к 2014 году, – почти каждая государственная школа в стране была бы объявлена несостоятельной и подлежащей приватизации или закрытию. Ни один законодательный орган в мире никогда не принимал столь безумно карательного закона, направленного против школ своей страны.

Программа «Ни одного отстающего ребенка» представляла собой масштабное федеральное вмешательство в контроль образования на уровне штатов и местных органов власти. Впервые в истории страны федеральное правительство перешло от поддержки штатов и местных властей к указаниям им, что и как делать. Закон сделал это при полном отсутствии каких-либо доказательств того, что его политика и мандаты, вероятно, увенчаются успехом.

Джордж Буш-младший подписывает No Child Left Behind Act («Ни##один ребёнок не будет оставлен за бортом»)

NCLB запер государственные школы страны в железобетонный режим ежегодного тестирования каждого ученика по двум основным предметам с 3 по 8 класс. Он также запер политиков на федеральном уровне и уровне штатов в образе мышления, из которого они не могли выбраться. Когда они думали о школах, они могли думать только о подотчетности, результатах тестов, а также о стимулах и наказаниях, которые, как они надеялись, принесут результаты.

Поскольку NCLB стал статусом-кво, результаты тестов учеников стали иметь значение превыше всего. Они стали

одновременно и мерилom, и целью образования. Школы сократили часы по обществознанию, истории, искусству и физкультуре, даже перемены, чтобы высвободить больше времени на тестирование и подготовку к нему. Округа закупали промежуточные тесты для подготовки к решающим ежегодным экзаменам. Тестирование и подготовка к тестам распространились на детский сад и первый класс, даже на дошкольное образование, поскольку каждый год был подготовкой к тяготам следующего года.

Единственным общенациональным измерителем успеваемости учащихся была Национальная оценка образовательного прогресса (NAEP) – программа тестирования, запущенная в конце 1960-х годов и проводимая федеральным правительством. NCLB предписывал NAEP проводить тестирование по чтению и математике каждые два года в качестве проверки отчетов штатов о прогрессе. NAEP показала, что наибольшие улучшения результатов тестов произошли до введения NCLB. Дальнейший рост наблюдался с 2003 по 2007 год, по мере того как тестирование и подготовка к нему занимали все больше учебного времени. Но после 2007 года рост замедлился и прекратился, а разрывы в успеваемости оставались упорно большими. По показателю, который корпоративные Разрушители любят больше всего – результатам стандартизированных тестов, – NCLB потерпел неудачу.

Когда Барак Обама вступил в должность в 2009 году, его министр образования Арн Данкан ясно дал понять, что счи-

тает американское государственное образование катастрофой. Он неоднократно заявлял, что учителя и администраторы «лгут» ученикам об их успехах в школе. Его программа – программа Обамы – называлась «Гонка за лидерство». Она была наложена поверх NCLB, и ее главная цель была той же: повышение результатов тестов. Данкан утверждал, что большее количество тестов и более строгая подотчетность непременно выведут страну на «вершину» международных рейтингов результатов тестирований. Как и NCLB, «Гонка за лидерство» потерпела неудачу.

В 2009 году страна переживала тяжелый экономический кризис. Конгресс выделил многие миллиарды долларов на стимулирование экономического восстановления. Конгресс предоставил Министерству образования США 100 миллиардов долларов, чтобы помочь школам пережить экономический спад. Из этой суммы 95 миллиардов долларов были направлены школам на оплату труда персонала и поддержание работы. Оставшиеся 5 миллиардов долларов были переданы министру Данкану для использования по его усмотрению в целях содействия образовательной реформе. Никогда в истории Министерство образования США не имело 5 миллиардов долларов дискреционных средств, не обремененных мандатами Конгресса. Данкан не был педагогом, хотя занимал должность суперинтенданта Чикагских государственных школ, где в 2004 году инициировал программу «Ренессанс-2010», в рамках которой закрывал школы с низкими

результатами тестов и открывал новые школы, включая чартерные. В Чикаго Данкан научился игнорировать протесты родителей и учеников, когда закрывались местные школы, и действовать напролом, распределяя учеников и позволяя частным чартерным организациям открывать новые школы.

Министр Данкан и его коллеги в Министерстве образования США (многие из которых пришли из Фонда Билла и Мелинды Гейтс и Фонда Эли и Эдит Брод) разработали конкурс для штатов под названием «Гонка за лидерство», который предлагал приз в миллиарды долларов в период бюджетной экономии. Чтобы иметь право участвовать в конкурсе, штаты должны были изменить свои законы и согласиться на определенные условия. Почти каждый штат согласился выполнить требования Дункана в надежде получить часть призовых денег «Гонки за лидерство», но только восемнадцать штатов в итоге получили долю этого богатства. Это был блестящий план, который ускорил широкое внедрение идей Дункана о стандартах, тестировании, подотчетности и выборе, но в конечном итоге он провалился, потому что его меры оказались не более эффективными, чем меры, предусмотренные NCLB Буша.

Чтобы иметь право на участие, штаты должны были согласиться увеличить количество чартерных школ, управляемых частными структурами, на своей территории. Они должны были принять «стандарты готовности к колледжу и карьере», что все понимали как Единые государственные стандарты

(Common Core State Standards) – набор общенациональных стандартов по чтению и математике, которые еще не были готовы в 2009 году, когда был объявлен конкурс. Они должны были согласиться на реструктуризацию, закрытие или приватизацию школ с самыми низкими показателями в своих штатах. Они должны были согласиться оценивать своих учителей на основе результатов тестов их учеников. Они также должны были собирать данные о каждом ученике и создавать лонгитюдное «хранилище данных».

Это был проект «Ни одного отстающего ребенка» на стероидах. Главная цель «Гонки за лидерство» заключалась в повышении результатов тестов, и Данкан верил, что эти меры приведут к этому. Федеральный закон запрещал Министерству образования США вмешиваться в учебный план или процесс преподавания в школах, однако министр образования подкупал штаты, чтобы те приняли новые стандарты, которые неизбежно изменили бы их стандарты, учебные планы, системы оценки, учебники и способы оценки учителей и директоров. Не имея одобрения Конгресса, Данкан сумел усилить федеральный контроль над школами страны, навязывая те же меры, которые давно поддерживали республиканцы.

Результат «Гонки за лидерство»: больше чартерных школ. Больше тестирований с высокими ставками. Оценка учителей и директоров по результатам тестов, при которой их работа ежегодно оказывалась под угрозой. Почти каждый

штат принял новые и непроверенные Единые государственные стандарты. Для этого требовалось всего две подписи: губернатора и суперинтенданта образования штата. Большинство согласилось принять Common Core, даже не прочитав их, потому что стандарты еще не были завершены, когда два высших должностных лица штата подписались под ними.

Как и «Ни одного отстающего ребенка», «Гонка за лидерство» исходила из того, что государственные школы страны находятся в кризисе и только решительное разрушение может их спасти. Постоянное тестирование было необходимо для выявления отстающих учеников и плохих учителей. Школы с низкими показателями необходимо было закрывать или передавать в управление частным чартерным организациям. Все должны были принять единый набор общенациональных стандартов, которые будут жестко согласованы с общенациональными тестами, педагогическим образованием, повышением квалификации и учебными материалами.

Для управления программой «Гонка за лидерство», а в конечном итоге и для назначения на должность своего начальника штаба, Данкан нанял Джоанн Вайс, бывшего главного операционного директора NewSchools Venture Fund – организации, финансирующей чартерные школы и образовательные технологии. В статье для блога Harvard Business Review Вайс объяснила, что конкурс «Гонка за лидерство» призван стимулировать развитие нового рынка учебных материалов, объединяя «умный капитал» и инновации. Она писала: «Раз-

работка единых стандартов и единых оценок коренным образом меняет рынок инноваций в области разработки учебных программ, повышения квалификации и формирующего оценивания. Раньше эти рынки функционировали на уровне отдельных штатов, а часто и на уровне отдельных округов. Но принятие единых стандартов и единых оценок означает, что образовательные предприниматели получают общенациональные рынки, где лучшие продукты можно будет масштабировать».

Как только все части образовательной системы будут вплетены в общую структуру, как только все начнут использовать единые стандарты и тесты, как только плохие учителя будут удалены, как только плохие школы будут закрыты, как только появится общенациональный рынок для предпринимателей, тогда результаты тестов американских учащихся взлетят до вершины международных рейтингов, и Америка снова станет первой! Или, по крайней мере, так считали Арн Данкан и его союзники в министерстве, корпоративном секторе, филантропическом мире, СМИ и на Уолл-стрит.

«Ни одного отстающего ребенка» и «Гонка за лидерство» были двоюродными братьями. Между ними не было разницы ни на цент, за исключением того, что «Гонка за лидерство» была еще более карательной, чем NCLB. Идеи, лежащие в основе обеих, кристаллизовались в федеральную политику, которая стала известна как «движение за образовательную реформу», но на самом деле была движением за разрушение

и приватизацию государственного образования. Это движение объединило центристских демократов и консервативных республиканцев в общем деле, сея хаос в американском государственном образовании, его учениках и учителях.

К концу 2015 года Конгресс наконец достиг компромисса, чтобы заменить провалившийся закон NCLB. Сенатор-республиканец от Теннесси Ламар Александер и сенатор-демократ от штата Вашингтон Пэтти Мюррей вместе со своими помощниками разработали закон «Каждый ребенок добьется успеха» (Every Student Succeeds Act). Он урезал наиболее карательные аспекты NCLB, такие как требование к школам демонстрировать адекватный годовой прогресс в достижении недостижимой цели 100-процентной достаточности (цели, которую не достиг ни один штат). Но закон продолжал требовать ежегодного тестирования в 3–8 классах по чтению и математике – практики, не встречающейся ни в одной из стран с высокими образовательными результатами. Другие страны, как правило, тестируют учащихся в переходные моменты между различными уровнями образования: из начальной школы в среднюю, из средней в старшую и/или в конце старшей школы.

Новый закон дал некоторое облегчение, но незначительное. Он оставил на месте тяжелую руку федерального правительства. Заставил ли федеральный закон, принятый в 2002 году, «не оставить ни одного отстающего ребенка»? Нет. Дети, которые были отстающими в 2002 году, так и остались

отстающими много лет спустя. Удалось ли «Гонке за лидерство» поднять результаты тестов до «вершины»? Нет, результаты NAEP оставались неизменными, несмотря на годы наказаний и стимулов, как и результаты международных тестов.

Добьется ли «каждый ученик успеха» потому, что существует федеральный закон под названием «Каждый ребенок добьется успеха»? Нет. К иронии судьбы, первым министром образования, которому предстояло оценить мудрость планов штатов в рамках нового закона ESSA, стала Бетси Девос – человек без педагогического образования, активно выступающий против самой концепции государственных школ и многие годы продвигающий чартерные школы, ваучеры, коммерческие школы, религиозные школы и онлайн-школы, одновременно финансируя политических кандидатов, разделяющих ее взгляды.

В основе этой лавины ошибочных политик лежало пресловутое тexasское чудо 1990-х годов, которое помогло избрать Джорджа Буша-младшего на пост президента. Никакого тexasского чуда не было. В NAEP за 2017 год учащиеся Техаса показали результаты немного ниже среднего по стране.

И все же много лет спустя, когда уже давно было очевидно, что этот режим стандартов, тестирования и подотчетности провалился, мифическое тexasское чудо продолжало определять национальную политику. Каждая государствен-

ная школа в Соединенных Штатах была вынуждена федеральным законом продолжать следовать велениям политики, построенной на обмане. Ни один национальный деятель не обладал мудростью, интеллектом или мужеством, чтобы встать и сказать: «Это должно прекратиться».

Множество родителей и учителей – да. Даже ученики.

Как же они поняли то, что ускользало от наших лидеров?

Глава третья

Чего хотят Разрушители?

Разрушители верят, что американское государственное образование разрушено до такой степени, что восстановлению не подлежит, и они хотят, чтобы общественность поверила в это. Они полагаются на тактику, известную в мире связей с общественностью как FUD (страх, неуверенность и сомнение). Цель FUD – посеять сомнения в отношении конкурента, чтобы одержать над ним верх. Разрушители искусно применяют FUD, чтобы подорвать давнюю веру общественности в то, что государственные школы являются ценными общественными институтами. Они хотят убедить общественность согласиться с ними в необходимости закрывать государственные школы и передавать их под частное управление. Разрушителям не нравятся местные государственные школы, и они приветствуют распределение учащихся по школам по всему округу, даже за его пределами. Они не видят ценности в связях между школами, семьями и сообществами.

В прежние времена настоящие реформаторы стремились сделать государственные школы лучше. Они хотели, чтобы у государственных школ было больше ресурсов. Они хотели, чтобы учителя были лучше подготовлены, или чтобы учебные программы были лучше, или чтобы учебные материалы

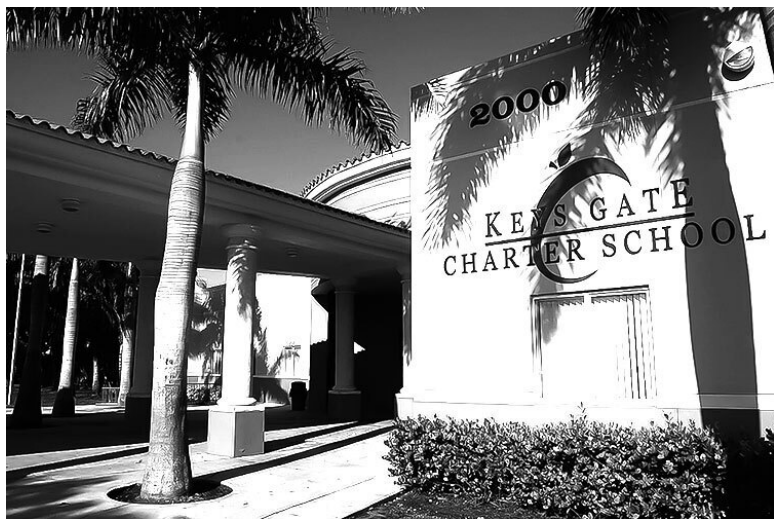
были качественнее. Они хотели, чтобы учителя получали более высокую зарплату и работали в классах с меньшим количеством учеников. Они хотели, чтобы в округах были современные здания, лучшие спортивные площадки и лучшее физическое оборудование. Они хотели, чтобы школы были расово интегрированы, чтобы у всех детей была возможность учиться рядом с теми, кто отличается от них. Они хотели, чтобы в школах были медсестры, медицинские кабинеты, социальные работники, психологи, библиотекари и библиотеки, современные технологии, а также программы для учащихся с ограниченными возможностями и изучающих английский язык. Они хотели, чтобы у всех детей было равенство образовательных возможностей. Они хотели, чтобы у всех детей были хорошие школы с хорошими учителями.

Таковыми были реформаторы прошлого.

Сегодняшние Разрушители не борются за эти улучшения. Они хотят переизобрести образование, переосмыслить его, заменить его другим подходом – либо с помощью технологий, либо с помощью рыночной системы выбора, при которой государство предоставляет средства, а родители отправляют детей туда, куда захотят.

Не каждый Разрушитель придерживается абсолютно одинаковых взглядов по каждому пункту канона Разрушения. Некоторые считают, что результаты тестов – это и есть цель образования. Любая школа, которая показывает высокие результаты тестов, по их мнению, достаточно хороша, чтобы

получать государственное финансирование. Другие, такие как Бетси Девос, считают, что выбор является самоцелью. Им все равно, посещают ли учащиеся религиозные школы, частные школы, государственные школы или находятся на домашнем обучении, и им все равно, получают ли учащиеся более высокие баллы, лишь бы семьи делали этот выбор.

Типичная чартерная школа в США

Корпоративные лидеры этой кампании восхищаются разрушительными инновациями, потому что так делают в высокотехнологичном бизнесе,— значит, это хорошо. Они не задумываются о том, полезно ли разрушение для детей. Разру-

шители восхищаются экономикой свободного заработка (gig economy), такой как Uber и Airbnb, и считают, что переизобретенные школы должны работать по требованию и ликвидировать любые гарантии занятости для сотрудников. Они любят чартерные школы, потому что чартерные школы – это стартапы без истории, как и многие новые предприятия в современном корпоративном мире. Тот факт, что так много чартерных школ закрывается каждый год, их не беспокоит, поскольку частое открытие и закрытие предприятий – это черта современной экономики. Концепция «созидательного разрушения» заимствована из работ австрийского экономиста Йозефа Шумпетера. Полезна она или нет в мире бизнеса, но в жизни детей она бесполезна: детям нужна стабильность, а не разрушение.

Корпоративные Разрушители одобряют, когда школы нанимают неопытных учителей с минимальной подготовкой или без нее, таких как участники программы «Учи для Америки» (Teach for America), которые проходят лишь пятидневную подготовку, потому что это сокращает расходы. Такие учителя получают меньше, чем опытные, и немногие останутся надолго, чтобы претендовать на пенсию или дорогостоящие медицинские льготы. Разрушители хотят заменить учителей компьютерами, которые стоят даже меньше, чем неопытные учителя. Машинное обучение эвфемистически называют «смешанным обучением» или «персонализированным обучением». Это довольно странное использо-

вание термина «персонализированный», потому что только взаимодействие человека с человеком можно точно назвать «персонализированным», тогда как взаимодействие учащегося с машиной по определению является обезличенным и его правильнее было бы называть компьютерным обучением или «деперсонализированным обучением».

Разрушители любят действовать быстро и ломать вещи, включая школьные системы, исторические школы, сообщества и жизни учащихся, семей и работников образования. Они гордятся тем, что разрушают устоявшиеся институты и чужие жизни, хотя не любят, когда кто-то разрушает их жизнь, их частные клубы или элитные школы, в которых учатся их дети. Разрушителям все равно, возражают ли учителя и директора против их стратегий, потому что они уверены, что профессионалы защищают свои корыстные интересы, в то время как сами Разрушители заявляют, что «ставят учеников на первое место». Разрушителей не трогают мольбы учеников и родителей о сохранении местной школы, которую собираются закрыть.

Корпоративные Разрушители не уважают учительскую профессию. Они считают, что учителем может стать кто угодно, школой может управлять кто угодно, и суперинтендантом может стать кто угодно. Разрушители хотят лишить учителей каких-либо гарантий занятости, чтобы учителя жили в страхе увольнения и, следовательно, их было легче контролировать. Они считают, что в школах с низкими результа-

тами тестов много «некомпетентных» учителей – защищенных профсоюзами, – которые действуют вопреки интересам своих учеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.